

КНИГА КАК ФОРМАТ МЫШЛЕНИЯ В КАЗАХСКОЙ КУЛЬТУРЕ

А. Г. Каирбекова¹

Аннотация: В статье представляется философский взгляд на сущность, функции и формы существования в казахской культуре основного хранилища народной памяти, формы общественного мышления – фольклора, который автор интерпретирует как тексты, как народную книгу.

Ключевые слова: книга, текст, эпос, казахи, фольклор, сказители, духовная культура, традиции.

THE BOOK AS A THINKING FORMAT IN THE KAZAKH CULTURE

A. G. Kayrbekova

Abstract: The article presents philosophical sight at the essence, functions and existence of forms of the basic storehouse of national memory in the Kazakh culture, the form of public thinking – folklore, which author interprets as texts, as national book.

Keywords: The book, the text, the epos, Kazakhs, folklore, storytellers, spiritual culture, traditions.

У многих народов мира, в разных эпохах книга осмысливается как формат мышления, и потому ее трансформации – это выражение мироощущения человека и ощущения человека в мире. Символическое отождествление Вселенной как Мирового Древа, Древа Жизни с одной стороны и Мировой Книги, Книги Жизни с другой, берет свое начало в недрах восточной эстетической и религиозно-философской мысли («мир – живая книга», «библиотека будет полной тогда, когда она будет полным подобием мира» и т.п.). Несмотря на то, что большое количество арабо-, персо- и тюркоязычных книг и рукописей и открытия археологических экспедиций, свидетельствуют о существовании древней рукописной традиции на территории Казахстана, главным Текстом традиционной казахской культуры был Текст как устное народ-

¹ Каирбекова А. Г. – кандидат филологических наук, доцент кафедры философии и методологии наук Казахского национального педагогического университета им. Абая, г. Алматы, Казахстан.

ное творчество, Текст как традиции и обычаи, ставшие основанием, на котором развивалось богатое поэтическое творчество казахского народа. В условиях кочевого хозяйства из письменных форм при ограниченности и малой их сохранности, тексты снова возвращались в устную среду для того, чтобы опять отлиться в письменные памятники.

Казахский эпос, как и эпос других народов – древний памятник устного народного творчества, содержащий универсальный код для понимания мира, всего сущего. Человек на территории Великой степи, с самого начала своего существования избегал вмешательства в природные процессы, более того, обожествлял природу, преклонялся перед ней, считал ее первоначалом своего бытия. Для мифа как универсальной картины мира – мир природы, населенный сверхъестественными существами, порожденный фантазиями древних, составлял единое целое с миром живых людей. Поэтому человек как бы находился под постоянным контролем: эти потусторонние силы помогали ему в его жизни и одновременно несли в себе потенциальную угрозу, нейтрализовать которые он мог лишь путем соблюдения обязанностей и норм обращения с ними. Древние религиозные верования несли функцию психологической защиты этноса от окружающего мира, обеспечивали возможность действовать в нем, безукоризненно соблюдая культовые ритуалы, направленные на почитание огня, человека, воды, коня и т.д. Эти условия формировали свободу человеческого духа, ответственность, дисциплину и организованность, долженствование и получение благ по праву. Культ Неба – это гармонизирующее начало жизнедеятельности человека во вселенной.

Мифология, богатырская сказка, историческое предание стали почвой, на которой сложился архаический героический эпос. «Эпос и большие сюжетные произведения...первоначально рождались из мелких обрядовых песен, плачей и причитаний, жар-жаров, естирту... и

кониль-айту...», – считает исследователь Е. Исмаилов. «Ясно, что большие сюжетные поэмы (эпос) без таких мелких форм проявиться не могли»¹. Е. Д. Турсунов также указывает, что непосредственной основой героического эпоса была историческая песня, развившаяся из обрядово-бытовых форм устной лирики. Одним из главных признаков эпоса является, в большинстве случаев, его героическое содержание. Согласно замечанию В. Я. Проппа, «...содержанием эпоса всегда является борьба и победа, борьба эта всегда очень трудна, требует напряжения всех сил героя, но зато она в эпосе всегда приводит к победе»². В архаическом эпосе герой, как правило, добывает нужные для человечества вещи и уничтожает враждебных ему персонажей. Действует герой в том пространстве, как указывает В. Я. Пропп, «которое в момент действия окружает героя ...то, что происходит за его пределами не может стать предметом повествования...время в фольклоре так же не терпит перерывов...есть только эмпирическое время, измеряемое не числами, днями и годами, а действиями героев»³.

Становление героического эпоса непосредственным образом связано с формированием культа предков – аруахов, который возникает, как это свидетельствуют данные археологии, в эпоху военной демократии. Именно с потребностями войны, которая становится образом жизни кочевых родов и племен, деяния того или иного героя прошлого, прославление его подвигов в героических эпосах, потребовали исполнения новой военной обрядности, обращенной к аруахам воинов. Циклически замкнутое время и пространство мифа выразилось в том, что каждое новое поколение, совершая ритуальные действия, обращалось к мифическим тотемам, чтобы вернуться вновь в виде духов к живым потомкам.

Постепенно мифологические сюжеты распадаются и переходят в разряд легенд, когда действия мифических героев, которые развора-

чивались в космических масштабах (пределах), от исхода которых зависела судьба человека, переносятся в мир людей. Так, в генеалогических легендах, ведущих происхождение от тотемического мифа, центральное место занимает мир человека. Дальние предки, исторические личности и мифологические персонажи все сосуществуют рядом. Процесс сакрализации постепенно охватил исторических личностей, этническую территорию, получил отражение в сакральном восприятии исторического времени. Л. Н. Гумилев пишет об этом: «Непохоже на нас кочевники воспринимали историю. Она представлялась им в виде развернутой генеалогии рода; эталоном было не событие или институт, а мертвый предок. Для европейца такой счет поколений кажется бессмысленным, но ведь он тоже отражает течение времени, как и любая принятая в науке система отчета»⁴.

Если восприятие культа предков на ранней стадии развития кочевого общества было сакральным, то в сознании средневекового человека – это уже разрушение былой целостности родовой общины. Тотемы – духи-покровители появились у представителей родовых общин, которые входили в состав племени. В эпоху военной демократии, когда востребованы были личные боевые качества, личная смелость и удача, стал формироваться культ смелых и достойных предков. Таким образом, естественным результатом эволюции представлений о предках-покровителях стал культ выдающихся исторических предков – путь постепенного стирания сакральной грани между предками и потомками. Исторический предок становится эталоном, на который оглядываются, равняются. Такое восприятие мира продолжало сохраняться долгое время при качественно новом осмыслении мира, но в значительной мере уже в силу традиции. Справедливо по отношению к средневековому кочевому обществу положение, которое дает А. Гуревич: «Родовое время, занимающее господствующее место в сознании

людей дофеодальной эпохи сохраняет свое значение и в сложившемся феодальном обществе. Феодальные сеньоры заботились о своих генеалогиях, возводя род к далеким, нередко легендарным и полулегендарным знатым и славным предкам. Утверждение престижа семьи посредством апелляции к давности ее происхождения раскрывает отношение ко времени господствующего класса: могущественный, знатный, влиятельный человек в средние века – это человек, за плечами которого сгустилось «родовое» время – оно же время истории»⁵. У людей средневековья поэтому, как указывает Е. Д. Турсунов, прошлое, лишившись сакральной власти над настоящим, осталось в нем, но не как имманентный и всепроникающий компонент, а как фундамент, без которого невозможно настоящее.

В преданиях и легендах средневековья главным героем становится воин, степной рыцарь – тот, кто покажет себя в битве бесстрашным, сильным в схватке с врагом, жизнь которого не имеет смысла без радости победы. Идеалом степного рыцарства стал богатырь – защитник отечества, родного очага, стоящий на страже мира. Для него характерны такие качества как верность, преданность, стойкость, презираемы – измена, трусость, предательство. Воспитанное веками понятие чести, закрепившееся в рыцарстве, стало моральным принципом истинных представителей военной, и позднее интеллектуальной элиты. Элита в условиях военной демократии представляла по выражению Л. Н. Гумилева, аристократию таланта. Для этих людей было характерно честь и достоинство ставить выше своей безопасности и материального благополучия. Они боялись не смерти, а совершить поступок, который может их обесчестить или умалить их достоинство, при этом не только в глазах окружающих, а главное, в своих собственных. Главное в жизни для них – в служении богу Тенгри в образе вечного синего неба, единому и всемогущему во всех делах и принципы чести,

как служение правде и справедливости. Укрепляя волю, они не приветствовали пессимистическое отношение к жизни. И относились ко всем людям одинаково, без учета их социального происхождения, считали, что гордыня путь к беде и причина дисгармонии в отношениях между людьми. Вера в Тенгри, вера в аруахов устремляла древних казахов на достойные дела при жизни. *Культ родословной* и родства формировал чувство гордости за предков и ответственности перед ними и потомками. Гармоничные отношения с миром – это высшее качественное состояние человека в эпосе.

Такое отношение к прошлому, богатому славными событиями, почитание и уважение своих предков определило удивительный оптимизм казахской поэзии средневековья. Тот, в ком восприятие настоящего происходит на фоне прошлого, в котором «сгустилось» время предков, становился человеком, стремящимся к идеалу сильной личности. Героический эпос включал не только прославление идеалов, но и стремление быть похожими на них, связывая прошлое и будущее, он активно участвовал в построении настоящего, формируя, воспитывая и утверждая в народе определенные типы мужчин и женщин, этические и правовые нормы отношений между ними. Быть таким, как идеальный герой – с этим устремлением входил человек, воспитанный эпосом, в сознательную жизнь. Хорошо известные образы помогали ему находить себя в быту, жить нормальной, будничной (не героической) жизнью. И наоборот, необходимость разрешения различных повседневных ситуаций предполагала его постоянный интерес к эпосу, к своей родословной. Вместе с устными преданиями, родословные – шежиры передавались из поколения в поколение. Почитание духа предков – Аруаха, обязывала казахов знать свою родословную до седьмого поколения (жеты ата). Называя поименно всех предков в каждом роду, а место рода в союзе племен, казахи особым почетом окружали тех,

кто оставил след в народной памяти, чаще батыров и поэтов, образы которых формировали у молодежи такие нравственные ценности как героизм, преданность, честь. «Помнить и знать события, определяющие лики эпох, жизнь значительных личностей означало быть приобщенным к духовной культуре, сохранить и передать из поколения в поколение поэтическую историю народа», – пишет К. Нурланова. Казахский эпос, как и эпос других народов, дает примеры такого рода аккумуляции духовных ценностей. А. Маргулан указывал, что казахские эпические сказания восходят к древнейшей эпохе гуннов, усуней, канглы, от которых, в свою очередь, они стали достоянием Огузов, кыпчаков, карлуков, найманов, кереев и других. Называет самые древние эпические сказания гуннов, усуней, канглы, в частности, эпосы «Ер-тостик», «Едил», «Жайык»⁶.

В конце XIII-XIV вв. появляется героический эпос «Кобланды батыр», рассказывающий о войне кыпчаков с ханом Ирана Газаном в 1297 г. Мужественные кыпчакские батыры Караман Сейлулы, Каракозы, Аккозы, Косдаулет и Кобланды возглавили сорокатысячную армию против кызылбасов (иранцев), захвативших города Сырлы и Кырлы. Они побеждают врага и освобождают родную землю. Основой сюжета другого эпоса «Едиге батыр» послужила борьба Едиге и Токтамыса за власть в конце XIV в. Эпос «Ер-Саин» рассказывает о подвигах Бату хана, изображенного народным героем. Популярным в народе примерно в ту же эпоху стал и героический эпос «Алпамыс». Казахское общество было духовно самостоятельным и автономным, и идеалом у кочевников выступал высокоодаренный харизматический лидер – воин, патриот и оратор.

Создателями и носителями эпики в казахской поэтической традиции выступали «вещие» певцы – жырау. Важным обстоятельством в формировании этого особого типа исполнителя эпоса является тот

факт, что сокровища национальной культуры хранились в памяти одного человека. Е. Д. Турсунов отмечает, что жырау выступали на тризнах, устраивавшихся для удовлетворения духа умершего, они исполняли повествования, восхвалявшие его деяния и подвиги, совершаемые им при жизни – оды «мактау». Эти древние исторические песни-оды, по мере отдаления от времени совершения событий, о которых они повествуют, подвергались изменениям, связанным с особенностями памяти при устном бытовании произведений, обрастали новыми подробностями, включали в себя повествования о деяниях других персонажей, открывая все новые возможности для эпической идеализации, основы становления героического эпоса. Исторические песни не только воспевали военные походы, подвиги народных героев, верности их своему долгу, о богатых трофеях, о радости возвращения и встреч с родными, но и содержали рассказы о военных поражениях, о гибели героев, о горе родителей и родных, потерявших своих близких. Исполнение жырау перед сражением воспринималось в качестве обряда умилоствления или призывания духов предков для помощи в бою. С течением времени, когда утратилась ритуальная функция военных обрядов, осталась традиция участия жырау в военных походах и исполнения героического эпоса и исторических песен о славных деяниях прославленных предков. Большинство средневековых казахских жырау были одновременно замечательными воинами или полководцами.

Жырау – не просто народный сказитель. Он мудрец и идеолог. Это воин-певец, человек, способный вдохновлять людей на следование великим Образам. В своей книге Е. Д. Турсунов выделяет основные функции жырау: связь не с отдельными родами или племенами, а со всеми родами и племенами, входящими в состав ханства, улуса, племенного союза; участие в решении важных государственных вопросов

в мирное время, в решении вопросов мира и войны – в военное; прорицание будущего: опираясь на свою способность, жырау давали наставления хану и народу⁷. Жырау прекрасно знали генеалогию родов и племен, их историю и использовали эти знания при исполнении исторических песен, од-мактау в честь погибших героев героического эпоса с целью воодушевления войск. Считалось, что аруахи персонажей эпоса в благодарность за исполнение произведений о славных деяниях своих, помогали в сражении.

Особую актуальность приобретает вошедший в репертуар жырау, жанр толгау, который начал складываться в тюркской поэзии VIII–XIII вв. – поэтико-философские назидательные раздумья – импровизации, имеющие удивительное сходство с назидательно-дидактической поэзией древних тюрков. «Толгау-раздумья это обычно назидания, афоризмы. Философ-жырау затрагивает важные общественные проблемы, стремится дать объяснение изменениям, происходящим во вселенной, в жизни, в природе, выступает по вопросам морали»⁸.

Прекрасная память, богатая речевая культура, способность точно и ярко выразить во впечатляющем и остроумном слове важнейшие события для народа, точку зрения широких масс кочевников – все эти качества, характерные для жырау вызывали в народе огромное уважение, они пользовались в степи правом неприкосновенности. В поэзии жырау единство прошлого и настоящего уступает место новому соотношению, где главным становится настоящее, которое формировало и новые ценности. Так, Шалкииз-жырау (XVI в.), как указывает К. Нурланова, использовал устную и письменную форму: «Черные чернила и белая бумага зовут тебя излить искусство на листы»⁹.

В целом, казахские жырау использовали готовые приемы, методы, стиль, языковые средства, которые применяли древнетюркские поэты при описании сражений, героических походов. Именно из отношения

к прошлому как к эталону связано представление в творческой традиции поэтов об искусном воспроизведении традиционных мотивов, сюжетов, образов, а не создание новых. То, что соответствует обычаю, не подверженное изменению во времени под влиянием нового, считалось прекрасным и правильным, т.е. приобретало эстетическое и этическое обоснование. Преемственность традиций сказалась и в том, что казахские поэты-импровизаторы Доспамбет-жырау (XVI), Жиенбет-жырау (XVII), Ақтамберды-жырау, Умбетей-жырау и Бухар-жырау (XVIII), и, наконец, «рыцарь и аристократ Степи», поэт Махамбет Утемисов (XIX), которые не только воспевали подвиги народных героев, воодушевляли воинов на бой, но и сами были участниками военных походов против врагов. Мудрые советы и наставления, элементы критики современной для жырау действительности, которые усилятся в поэтическом творчестве более позднего периода – все это способствовало тому, что казахские жырау, поэты активно участвовали в общественно-политической жизни своего народа и пользовались огромной его любовью и уважением.

Изустный тип творческого мышления, породивший глубокую традицию импровизаторства – повторяемости традиционных формул, постоянства смысла и устойчивости основного сюжета, возможности вариативного разнообразия, в то же время обогащала канонизированные формы новыми деталями, элементами, мотивами. Жырау обладал синкретическим даром предвидения поэта, певца, импровизатора. Он обладал особой памятью, чтобы держать все пространственные сюжеты и арсенал выразительных средств в устной форме в течение нескольких столетий. И соответственно ему, было подготовлено традиционное общество, чтобы воспринимать древний текст как поэтическое предание вместе с импровизацией, который будет передаваться из рода в род, от поколения к поколению, оставаясь надолго в его памя-

ти. Как указывал Ш. Валиханов: «В историческом отношении поэтический дух народа замечателен: первое, потому что через удивительную память импровизаторов все древние поэмы... сохранились до нас без изменения; второе, что импровизаторы, жившие в разные времена, обессмертили в памяти народа замечательные происшествия своей эпохи так, что они в совокупности составляют нечто целое; третье, ...составляя полную картину прошедшей исторической и духовной жизни народа, дают нам возможность к пополнению известных исторических данных и к определению их происхождения»¹⁰.

По мнению Е. Д. Турсунова, к концу древнетюркской эпохи, от ритуальной основы отрывается и «айтыс», начиная свое развитие в качестве жанра художественного фольклора вместе с выходом акына на уровень художественно-поэтического творчества. Подтверждение мы находим в сочинении М. Кашгари «Дивани лугат-ат тюрк», где «айтысы» времен года представлены в поэтической форме. Содержанием «айтыса» является восхваление достоинства своего рода и высмеивание недостатков (реальные или мнимые) рода противника. Характерно, что существенные для казахов «достоинства» и «недостатки», присущие предкам, приписываются в «айтысе» далеким потомкам в качестве актуальных этических ценностей не только самому акыну, но и всему роду. Согласно мнению народа об айтысе, выраженное в пословице «С того, кто нашелся, как ответить, и спросу нет», взаимные оскорбления не воспринимаются как проявление грубости. Кто найдет, что ответить – тот и одержит победу над акыном-противником.

Таким образом, содержание «айтыса» переходит из области сакрального в область этического, а его специфика состоит в том, что он невозможен между акынами, представителями одного рода. По мнению Е. Д. Турсунова, акын принимал участие в отправлении обрядов не просто как участник, а как человек, исполняющий функции руково-

дителя обряда, например, открывание лица невесты обрядовой песней «беташар», открытие свадебного пиршества песней «той-бастар» и др. Среди акынов встречаются как мужчины, так и женщины. Если жырау – представитель всего народа, его место в ставке хана, то акын живет в ауле, среди сородичей и разъезжает по аулам, вступая в поэтические состязания-айтысы с другими акынами. Не вступив в поэтическое состязание, человек не может стать акыном, и никто его считать акыном не будет. Е. Д. Турсунов дает следующее определение: «Акын – синкретический тип, сочетающий в себе в одном лице сказителя (создателя и исполнителя эпоса), сказочника, рассказчика-ангимеши, поэта-импровизатора и музыканта-композитора, а также руководителя семейно-родовых обрядов»¹¹. Но основная творческая функция акынов проявляется в том, что они защищают честь своего рода, вступая в словесные поединки с акынами – представителями других родов. Для репертуара именно акынов характерны поэтические призывы-ундеу.

В «Диване» Махмуда Кашгари содержится текст, который созвучен с известным ундеу казахского акына Махамбета Утемисова:

«Белокостный хан присвоил власть,
Но народ решит – и он может пасть,
Брод решит, где перейти поток;
Бай решит, с кого содрать налог;
Быстро мчится белая сайга,
Но в степи не скрыться от стрелка,
Коль вокруг простор широко лег.
Воля нам победу предрешит,
Начинай борьбу с врагом, джигит!
Наш конец решает только бог!»

(Пер. А. Б. Никольской)¹²

Наряду с произведениями народных акынов, импровизаторов развиваются и другие традиционные жанры: народные песни, поговорки и пословицы, складывается жанр бытовой, волшебной сказки и сказки о животных с классическими типами героев, в которых нашла свое яркое выражение удивительная наблюдательность и острота народного ума, способность народа на основе своего собственного опыта и наблюдений создавать многообразные и богатые по своему содержанию образы. Сюжеты, образы, мотивы, содержащие мировоззрение древних, отраженные в мифах о сотворении земли, происхождении человека и животных, составляющих эпический фон произведений устного народного творчества, уже в художественной интерпретации продолжают оставаться в литературе и искусстве, придавая самобытность художественной форме произведений.

Таким образом, казахская специфика фольклора, несмотря на свою традиционность, не исключала индивидуального творчества, о чем свидетельствуют сохранившиеся имена акынов, певцов, сказителей, композиторов, импровизаторов, мастеров поэтического состязания. Идеалы кочевников предъявляли к духовной элите высокие требования. Ее представители должны были сочетать в себе как основательные знания о природе и обществе, а позднее – влияние ислама требовало знание Корана, хадисов, эзотерической мудрости, так и виртуозно владеть словом, выражать свои идеи через музыкально-поэтическое творчество.

¹ Исмаилов Е. Акыны: монография о творчестве Джамбула и других акынов. Алма-Ата.1957. С. 49.

² Пропп В. Я. Фольклор и действительность. М., 1976. С. 5-6.

³ Там же. С. 91-92.

⁴ Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. М.: Наука, 1970. С. 39.

⁵ Гуревич А. Представление о времени в средневековой Европе // История и психология. М., 1971. С. 182-183.

⁶ Нурланова К.Ш. Эстетика художественной культуры казахского народа. Алма-Ата: Наука КазССР, 1987. С. 48.

⁷ Турсунов Е.Д. Происхождение носителей казахского фольклора. Алматы: Дайк-пресс, 2004. С. 252.

⁸ Поэты Казахстана. Л., 1978. С. 7-8.

⁹ Нурланова К.Ш. Эстетика художественной культуры казахского народа. С. 3.

¹⁰ Валиханов Ч. Собр. соч. Т.1, 1961. С. 391.

¹¹ Турсунов Е.Д. Происхождение носителей казахского фольклора. Алматы: Дайк-пресс, 2004. С. 144.

¹² Махамбет. Аргымак настигнут стрелой. Стихи. /Пер. с казахского. М.: Русская книга, 2003. С. 17.